

только непосредственно переживаемое бытие. Вот почему жить в мгновении означает овладеть лучшим способом преодоления беспокойства и страха.

Примечания

1. *Кант И.* Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Собрание сочинений в 6 т. Т. 6. М., 1966.
2. *Фромм Э.* Душа человека. М., 1990.
3. *Хайдеггер М.* Время и бытие. М., 1990.
4. *Хайям О.* Рубай. М., 2009.

В. А. Гайкин

к. и. н.

г. Владивосток, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

РОССИЯ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В XXI ВЕКЕ (ФУТУРОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ГЕОПОЛИТИКА)

В прогнозах относительно будущего мира и места в ней России нет недостатка. Это и концепция Хантингтона о войне цивилизаций и сюрреальное предложение академика Примакова о союзе России, Китая и Индии. Если спуститься с небес на землю, то понятно, что Китай в любом союзе согласится только на доминирующую роль. Россия удовлетворится, как минимум, ролью равноправного участника и никогда ролью «ведомого». У Индии слишком серьезные разногласия с Пекином, позволяющие в лучшем случае надеяться на положение «худой мир лучше доброй ссоры». Таким образом, «волк, коза и капуста» вряд ли окажутся в одной лодке. Кстати и Пекин и Дели сразу же открестились от подобной перспективы.

Экономический конфликт, являющийся доминантным на планете последние пять тысяч лет, будет «снят» в конце XXI века в связи с выходом человека из «сферы собственно производства» (выражение К. Маркса). В постиндустриальном обществе его в качестве главного сменит межрасовый, повторяющий согласно гегелевскому закону «отрицание отрицания» расовую конфронтацию (межвидовую борьбу) первобытного общества, ибо третий член гегелевской триады повторяет первый, только на другом

качественном уровне (причиной конфронтации может стать рост народонаселения, борьба за ресурсы, питьевую воду и др.). В борьбе за место под солнцем именно расовый фактор разделит человечество на два лагеря для нового передела материков.

Основными оппонентами в расовой войне будут монголоиды и европеоиды, соответственно главным театром военных действий – Евразия. Расовая война будет самым страшным из конфликтов, по сравнению с которой вторая мировая покажется дивизионными маневрами. Ее ведение не будет преследовать ни одной из целей предыдущих конфликтов (захват рабов, материальных ценностей, создание империй, смена общественного строя. Главная (и единственная) цель этой конфронтации – полное уничтожение всего населения расы-антагониста. Если наша концепция расовых войн – это прогноз развития событий в постиндустриальном мире (с конца XXI в.), то Хантингтон рассматривает судьбу человечества в XXI веке. Прогнозируемые им межцивилизационные войны, в современном мире (где доминантный конфликт – экономический), маловероятны.

Нестыковка Запада с Дальним Востоком не ограничивается рамками экономики и идеологии. (Как отмечал Гегель: «Восточная нация ограничивает религию собой одной, и религия выступает полностью привязанной к этой одной национальности. В Римскую империю проникали все религии и не считались там национальными, на востоке же религия целиком связана с национальностью. Китайцы, персы имеют свою государственную религию, которая существует только для них» [2. С. 113].)

Сформировались различные по форме и содержанию культуры, трещина между которыми, например, в области музыки, переходит в пропасть непонимания. Конфуцианская мораль, долг перед обществом, семьей заставляли человека обуздывать свое «эго». На первый план выходило рациональное, вытесняя эмоции, личные переживания. Естественно, искусство, отражающее внутренний мир человека, не могло не выразить эту специфику.

Европейский художник, рисуя предмет, наслаждается его фактурой, чувственно воспринимая ее. Китайский художник стремится передать идею вещи, сущностные характеристики, ради отражения которых может быть принесена в жертву реалистичность изображения. Китайская (и японская) живопись бедна цветовой гаммой, оттенками, поскольку «внутренняя форма» вещей не

нуждается в окраске. Естественным цветом предмета можно даже пренебречь, перекрасив его.

Восточный театр не показывает настоящую жизнь, заменяя ее реалии символами, условными знаками. Жестами, хореографическими позами, несущими определенную эмоционально-смысловую нагрузку. Зрителю нет нужды «переживать» – заливаться слезами или смехом. Смысл происходящего на сцене доходит до него в закодированном виде и прежде. Чем попасть в душу, должен пройти через разум, поскольку нуждается в расшифровке.

Музыка является продуктом и отражением мира эмоций, чувств, неосознанных желаний. Если литература и философия – общественное сознание, то музыку можно назвать общественным подсознанием. Из всех искусств, именно восточная музыка наиболее трудна для восприятия европейца, ибо эмоции, являвшиеся стержнем европейской музыки, были изгнаны из музыки восточной. Европейское ухо не слышит здесь темы, мелодии и воспринимает ее скорее как музыкальное воплощение азиатского музыкального орнамента, повторяющего одни и те же абстрактные узоры «...для архаичной эстетики характерно, что структура поэтических текстов, легенд и сказок, музыки выражалась в простейших числах...Числовой ритм, присущий орнаменту, пронизывал едва ли не все творчество человека» [З. С. 14].

Табу на отражение эмоций в искусстве привело к переходу их в область кулинарии, где изобретательные китайцы взяли реванш, обманув бдительность тоталитарного государства. Если гамму вкусовых ощущений человека представить в виде клавиш музыкального инструмента, то китайский повар, предлагающий на один прием пищи до ста микроскопических блюд, играет на нем целые симфонии кулинарных переживаний. Если для европейцев еда – в основном пища физическая, то для китайцев – и духовная, компенсирующая дефицит эмоций на сцене и в музыке.

В евразийской системе Россия станет третьим интегративным центром (наряду с Европейским сообществом и Китаем). Её задача в том, чтобы расколоть монголоидное сообщество и присоединить к себе государства Центральной Азии, Корею и Японию, тем самым опередить Китай в его естественном стремлении создать союз монголоидных государств (Китай, Корея, Япония, Центральная Азия). Запад, стремясь изолировать Россию, готовит себе второй «Мюнхен», и доктор Хайнц Тиммерман из Кельнского Института

изучения Восточной Европы в своей статье-меморандуме откровенничает: «Целью политики Запада должны быть не легитимизация и укрепление искусственного построения СНГ, а поддержка естественным путем формирующихся в его рамках субрегиональных образований типа ГУАМ или «центральноазиатского экономического пространства» (Казахстан, Киргизия, Узбекистан), ...таким образом должна быть усилена поддержка проекта «евразийского транспортного коридора» [1. С. 42].

Оставив Россию ни с чем, европейцы столкнутся с гораздо более опасным противником – мощным монголоидным блоком, созданным при активном участии ООН. Запад должен понять, что те мнимые выгоды, которые он получит, исключив Россию из системы интеграции Запад – Восток, заведут этот процесс в тупик и ударят бумерангом по тому же Западу.

Создание в октябре 2000 г. в Астане Евразийского (экономического) союза не каприз «кремлевской верхушки», а логический этап мирового исторического процесса. Логика исторического развития потребует присоединения к этому союзу Монголии, Кореи, Японии (Транссиб станет осью нового союза). Необязательно, но реально и желательно расширение этого блока за счет Индии, Ирана, Афганистана. Два проекта, которые сейчас обсуждаются, будут реальным шагом на пути реализации этого плана: проект подводного тоннеля между Японией и материком с выходом на Транссиб и проект транскорейской железной дороги, также с выходом на Транссиб.

У мирового сообщества нет другого выхода, кроме как совместными усилиями строить структуры будущего безопасного мира. В этом будущем мире Россия обречена на роль третьего (разнорасового) силового центра Евразии (наряду с Европейским сообществом и Китаем), снижающего до минимума «расовое напряжение» между европеоидным и монголоидным полюсами планеты.

Примечания

1. Гайкин В. А. Проект «Туманган» из прошлого в будущее // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 1999. № 1. С. 36- 45.

2. Гегель Г. Философия религии. М.: Мысль, 1977. Т. 2. 336 с.

3. Иорданский В. Б. О началах древней эстетики // Восток. 2006. №6. С. 8-19.